

МАКРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ ТРЁХ ГРУПП КУБАНСКОЙ МОЛОДЁЖИ

.....

А. Н. Дёмин¹

В статье проведён макропсихологический анализ образовательных притязаний учащихся средней школы, профессионально-технических училищ и колледжей, выявленных в постсоветский период. Притязания соотносятся с показателями сферы образования Краснодарского края. Для каждой из групп молодёжи установлены особенности соотношения притязаний с региональными характеристиками высшего образования, дана макропсихологическая интерпретация этих соотношений.

Ключевые слова: макропсихология, молодёжь, образовательные притязания, институциональная доступность высшего образования

In the article presents the macro psychology analysis of educational aspirations of students in secondary schools, vocational-technical schools and colleges identified in the post-Soviet period. Claims relate to the performance of education of the Krasnodar Territory. For each of the groups of young people the specific features of the ratio of claims to the regional characteristics of higher education, given macro psychology interpretation of these relations.

Key words: macro psychology, youth, educational aspirations, institutional access to higher education.

Новый для отечественной науки макропсихологический подход в немногочисленных исследованиях трактуется неоднозначно. Здесь и психологическая интерпретация объективных социальных показателей, представленных в форме статистических данных, и анализ социальных представлений, идеалов, ценностных ориентаций больших социальных групп, и отражение в общественном сознании макропроцессов, и выделение психологических факторов этих макропроцессов [15].

¹ Дёмин Андрей Николаевич — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: demin@manag.kubsu.ru

Исследование выполнено при поддержке РГНФ и администрации Краснодарского края, проект №08-06-38603а/Ю.

Зарубежная наука имеет устойчивые традиции макропсихологических исследований, среди которых нас особо интересуют традиции изучения процессов занятости. В этой области активно взаимодействуют экономисты, психологи, социологи, специалисты по управлению человеческими ресурсами, политологи и др. Можно выделить несколько основных направлений подобных исследований.

Во-первых, это статистический анализ объективных макроэкономических и макросоциальных показателей и стремление дать им комплексную, в том числе психологическую, интерпретацию. В рамках этого направления классическими являются исследования М. Бреннера, продемонстрировавшие связь уровня безработицы со смертностью, психическими расстройствами, асоциальным поведением [25]. Данная традиция продолжается в изучении показателей сегментации рынка труда, безработицы, трудовой мобильности, алкоголизма, социального сиротства, взаимосвязей этих и других социально-экономических переменных, взятых как в национальных, так и в региональных масштабах (см., например: [26; 27; 29]).

Во-вторых, это совмещённый анализ социально-экономических и выявленных в ходе опросов психологических характеристик больших групп населения (выпускников школ, безработных, расово-этнических групп). В данном направлении получены результаты и предложены модели, демонстрирующие реципрокную, т.е. взаимную, зависимость обобщённых оценок, объяснений, мотиваций, психологического самочувствия людей с функционированием рынка труда и социальной сферы (оборот рабочей силы, безработица, дискриминация, правонарушения) [28; 30; 31 и др.].

В отечественной науке макропсихологический подход к процессам занятости — новая область исследований. Ему близки складывающиеся макроподходы в смежных областях: исследование качества жизни и субъективного экономического благополучия населения, динамика ценностных ориентаций социальных групп с разными статусами в сфере занятости, отношение к деньгам, экономическая ментальность, макропсихологическое состояние общества в целом [15; 17; 18]. Если исходить из того, что психология занятости изучает психологические явления и закономерности, которые связаны с вовлечением населения в различные виды и формы трудовой занятости, участием в них и выходом/исключением из них [9, с. 66], то очевидно, что одним из её объектов должны выступать карьерные ориентации. В них реализуется отношение людей к способам и институтам построения карьеры, они включают в себя профессиональные предпочтения, образовательные планы и притязания, должностные и финансовые притязания, предпочитаемые места работы, трудовые ценности, отношение к безработице, готовность к трудовой мобильности и т.п. Данные компоненты включены в механизм адаптации молодёжи к социальным изменениям [7; 13; 20].

В данной статье мы сосредоточились на таком компоненте карьерных ориентаций, как образовательные притязания. Они характеризуют тот уровень образовательного статуса, который человек считает для себя достаточным (соответствующий статус предполагает получение общего среднего, начального профессионального, среднего профессионального, высшего профессионального образования).

Цель статьи — изучить соотношение образовательных притязаний разных групп кубанской молодежи с показателями региональной системы профессионального образования в постсоветский период. Дополнительно мы решали задачу накопления методических подходов и теоретических обобщений в рамках макропсихологического анализа карьерных ориентаций молодёжи.

В статье реализуется подход, который характеризуется несколькими особенностями.

Во-первых, будет проведён *совмещённый анализ* образовательных притязаний больших социально-возрастных групп молодёжи и статистических показателей большой социо-экономической среды (сферы образования). Возможность такого совмещения заложена в принципиальной сопоставимости показателей. Как заметил А. В. Юревич, «довольно трудно найти существенный для общества и потому фиксируемый в статистических справочниках показатель, который был бы полностью лишён психологического значения» [24, с. 283]. Совмещённый анализ предполагает построение динамических рядов (временных последовательностей) как психологического, так и социально-экономического, т. е. он одновременно становится *сравнительно-историческим анализом*.

В этом случае, как было установлено нами ранее [8], требуется изучать *степень синхронизации/десинхронизации* психологических характеристик и социально-экономических (исторических) факторов. Речь идёт о том, в какой степени и как долго совпадают темпы и ритмы психологических и непсихологических изменений, что опережает, а что отстаёт, в какой последовательности это происходит и т. д. Также требуется *детализация социально-экономических (исторических) ситуаций*, выделение в них разнообразных параметров. Данная проблема по своему содержанию не является чисто психологической, но без её решения трудно продвигаться в сравнительно-исторических изысканиях. Как показывает анализ литературы, психологи склонны ограничиваться предельно общими характеристиками исторических ситуаций, указывая на тотальные или очень серьёзные изменения, например, распад СССР, дефолт и т. п. Между тем любые масштабные изменения погружены в потоки менее значительных, непрерывных и частных изменений, которые нужно научиться фиксировать.

Во-вторых, основной масштаб анализа в нашем исследовании — региональный. С одной стороны, это детализация социально-экономических ситуаций,

позволяющая учитывать идеи психологов о важной роли локальных/региональных сообществ и институтов в развитии человека (У. Бронфенбреннер, Р. Каталано, Г. Эддер и др.). С другой стороны, многие исследования, претендующие на обобщения в общероссийских масштабах, фактически региональны, в лучшем случае — межрегиональны; именно поэтому развитие региональной психологии представляется очень важным и перспективным, дающим возможность для сравнительного анализа и обобщения результатов, полученных на разных территориях.

В-третьих, внимание будет сосредоточено на тех больших группах учащейся молодёжи, которые готовятся переместиться в другую образовательную среду или выйти на рынок труда. Тем самым закладываются возможности для объединения в анализе и интерпретации различных этапов социализации молодёжи. Обращаясь к молодёжи, мы опираемся на фундаментальные положения К. Мангейма и Э. Эриксона, неоднократно подтверждённые исследованиями отечественных и зарубежных учёных, о том, что в подростковом возрасте, юности и молодости человек наиболее чувствителен к особенностям текущего исторического момента, поэтому новые ценности, технологии, идеологические течения и способы жизни оказывают на него особенно сильное влияние. Одновременно молодой человек своей активностью, убеждениями и потенциями закладывает контуры будущих социальных институтов и перемен в обществе [16; 23].

Эмпирической базой исследования выступили две группы источников.

1. Первичные и вторичные (обобщённые и опубликованные) данные, собранные в 1996 (развёртывание радикальных реформ в стране), 2001 и 2006 гг. (относительная стабилизация социально-экономической ситуации) в рамках обследований молодёжи в г. Краснодаре. Все обследования проводились по идентичной программе, охватывали те группы молодёжи, которые находятся в переходных точках жизненного пути (учащиеся 11-х классов общеобразовательных школ, учащиеся выпускных курсов ПТУ и колледжей, поступившие туда после 9-го класса). Соотношение численности опрошенных групп молодёжи в целом соответствует распределению учащихся по ступеням образования (только в 1996 г. количество опрошенных студентов колледжей незначительно превысило количество опрошенных 11-классников). В табл. 1 представлены структуры выборок для каждого года обследования.

В ряде случаев, которые специально оговариваются в тексте, привлекались данные о притязаниях молодёжи, полученные в более ранние периоды в других регионах. Это делалось для расширения временных рядов эмпирических показателей и оценки общих тенденций в развитии интересующего нас феномена.

Образовательные притязания измерялись с помощью шкалы, предложенной Е.И. Головахой и В.С. Магуном [6]. Она была незначительно модифи-

Таблица 1

Структура выборок в обследованиях 1996, 2001 и 2006 гг., чел

Год	Учащиеся 11-го класса (16 лет)	Учащиеся выпускного курса ПТУ (17 лет)	Студенты выпускного курса колледжей (18 лет)	Всего
1996	384	106	395	885
2001	372	168	293	833
2006	283	153	255	691

цирована, в частности, не использовалась позиция «аспирантура», но были добавлены 4 дополнительных пункта, включающих комбинации школы, профессионально-технического училища (ПТУ), колледжа и вуза с курсами обучения/переобучения. В итоге на вопрос «Какое образование Вы считаете для себя достаточным?» респондентам предлагалось выбрать один из следующих вариантов ответа: средняя школа; средняя школа и какие-нибудь курсы обучения/переобучения; профессиональное училище; профессиональное училище и какие-нибудь курсы обучения/переобучения²; техникум, колледж; техникум, колледж и какие-нибудь курсы обучения/переобучения; институт, университет; институт, университет и какие-нибудь курсы обучения/переобучения. При обработке смежные пункты (например, «профессиональное училище» и «профессиональное училище и какие-нибудь курсы обучения/переобучения») могут объединяться, в результате чего итоговые показатели становятся сопоставимыми с данными Е. И. Головахи, В. С. Магуна и других исследователей, работавших с данным инструментом.

2. Статистические данные о состоянии системы образования Краснодарского края с 1990 по 2008 г. Выбор 1990 г. в качестве точки отсчёта объясняется следующими причинами: он относится к советской эпохе, предшествует началу «шоковых» реформ, представлен в официальных статистических публикациях, соответствующие показатели позволяют количественно оценить переход от советской эпохи к постсоветской. Выбор 2008 г. в качестве финальной точки обусловлен тем, что это дата последних доступных статистических данных, позволяющая к тому же учесть инерцию социопсихологических процессов (воплощение притязаний в реальные перемещения молодёжи, особенно учащихся профессиональных школ, на другие уровни образования).

Первоначально планировалось использовать статистические данные по г. Краснодару, но в интересующем нас интервале времени они оказались недоступны. Тем не менее мы полагаем, что соотнесение показателей притязаний молодых людей, проживающих в Краснодаре, с социально-экономическими

² Приводится версия шкалы для 11-классников. В шкалу для учащихся ПТУ и колледжей пункты, упоминающие среднюю школу, не включались.

Таблица 2

Динамика притязаний на высшее образование среди разных групп молодёжи, % от числа опрошенных

Группы молодёжи	Год		
	1996	2001	2006
11-й класс	83,6	88,6	92,6
ПТУ	16	46,9	53,6
Колледж	66,1	76,3	83,9

показателями всего края уместно и позволяет выявлять некоторые общие тенденции.

При сборе статистических показателей о региональных системах образования и рынка труда мы стремились соблюдать содержательное соответствие между карьерными ориентациями и объективными социально-экономическими переменными, о чём подробнее будет сказано далее.

Результаты исследования, их обсуждение

Согласно собранным эмпирическим данным в обследованных группах молодёжи ведущее место в структуре притязаний занимает высшее образование, поэтому далее сосредоточимся на этом уровне целей (табл. 2).

У 11-классников образовательные притязания характеризуются, во-первых, изначально очень высоким уровнем, во-вторых, плавным увеличением, которое за период 1996–2006 гг. составило тем не менее 9%, что весьма существенно; при этом притязания стали близки к абсолютному пределу.

В середине 1990-х гг. выпускники ПТУ демонстрировали самый низкий уровень притязаний на высшее образование (более чем пятикратный разрыв с уровнем притязаний у 11-классников), что вполне объяснимо: молодые люди, выбравшие данный уровень профессионального образования, как правило, имели проблемы с обучением в общеобразовательной школе. Это в основном молодёжь из малообеспеченных семей — 75% отмечали, что в их семьях не могут позволить себе покупать товары длительного пользования (холодильник, телевизор и т. п.) [4, с. 13]. Через пять лет картина изменилась. Если в середине 1990-х гг. только 16% из завершающих обучение в ПТУ назвали высшее образование в качестве достаточного для себя уровня, то в 2001 г. их число выросло почти в 3 раза, достигнув 46,9% (этот уровень целей стал однозначно доминировать среди учащихся ПТУ). Ещё через пять лет доля притязающих на высшее образование выросла ещё на 6,7%.

У выпускников колледжей образовательные притязания неуклонно росли в исследуемый период: общая прибавка в ориентации на высшее образование составила почти 18%, а уровень этой ориентации превысил 80%. По-видимому,

Таблица 3

Численность учащихся, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании, показатели приёма студентов в вузы Краснодарского края и показатель институциональной доступности высшего образования в 1990–2008 гг.

Год	Численность учащихся, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании, тыс. чел.	Приём студентов в государственные и негосударственные вузы на очные и заочные отделения, тыс. чел.	Показатель институциональной доступности высшего образования, %
1990	53,5	9,3	17
1992	49,2	9,5	19
1993	47,2	10,7	23
1994	47,0	12,6	27
1995	49,2	14,2	29
1996	53,3	15,3	29
1997	55,4	19,4	35
1998	58,9	20,4	35
1999	62,0	19,9	32
2000	65,1	25,4	39
2001	66,1	27,7	42
2002	65,9	34,7	53
2003	66,9	39,1	58
2004	67,2	40,4	60
2005	62,3	40,8	65
2006	59,7	39,7	66
2007	55,5	43,6	79
2008	48,9	42,2	86

многие представители данной социальной группы обучение в колледже рассматривали всего лишь как ступеньку или тактический ход для получения высшего образования.

Таким образом, за годы реформ образовательные притязания разных групп молодёжи возрастали, хотя и в разной степени. Во второй половине 2000-х гг. их уровни стали значительно ближе друг к другу, чем в середине 1990-х гг.

В табл. 3., составленной на основе источников, полученных в территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю, представлены три основных показателя региональной высшей школы. В первую очередь следует обратить внимание на производный показатель, предложенный нами и названный *институциональной доступностью высшего образования* (ИДВО). Он демонстрирует место высшего образования как института социализации в структуре жизненного пути

и профессионального развития молодёжи, проживающей в данном регионе. Значение ИДВО в каждый конкретный год определяется через отношение численности студентов, принятых в вузы, к численности учащихся, получивших аттестат о среднем общем образовании, окончивших общеобразовательные учреждения, профтехучилища и техникумы; полученная величина умножается на 100. Таким образом, ИДВО отражает долю принятых в вузы среди тех, кто получил аттестат о среднем общем образовании в соответствующем году; данный показатель сопоставим с показателем образовательных притязаний молодёжи — в обоих случаях определяется удельный вес людей с соответствующим социальным статусом (или психологической характеристикой) в изучаемой популяции. В будущем данный показатель следует детализировать, поскольку не все молодые люди, получающие аттестат в текущем году, сразу поступают в вузы; но и в такой форме он позволяет фиксировать масштабы перемещения молодёжи в сферу высшего образования.

Как следует из табл. 3, показатель ИДВО неуклонно рос на протяжении всего постсоветского периода. Если в 1990 г. 17% получивших аттестат о среднем общем образовании были приняты в вузы Краснодарского края на все формы обучения, то в 2006 г. эта доля выросла в 3,9 раза и составила 66%, а в 2008 она увеличилась уже в 5 раз, составив 86%.

С чем может быть связан рост предложения услуг в сфере высшего профессионального образования? Если искать ответ в экономической плоскости, за пределами сферы образования, то здесь мы вряд ли найдём приемлемые объяснения, поскольку неудачная структурная перестройка экономики, её деиндустриализация и снижение наукоёмкости не содержат в себе запроса на людей с высшим образованием.

По-видимому, ключевую роль в расширении региональной системы высшего образования сыграли притязания (запросы) подавляющей части молодёжи, которые сложились ещё в советский период. Высказанное суждение относится прежде всего к притязаниям выпускников общеобразовательных школ, потому что имеются сопоставимые показатели. Судя по опубликованному данным, в 1985 г. 82,5% представителей этой категории молодёжи притязали на высшее образование [5, с. 65], в 1990–1991 гг. — 82% [14, с. 11]. Показатели получены не в Краснодарском крае, поэтому возникает вопрос, насколько сопоставимы разные регионы? Приведём мнение В.С. Магуна, анализирующего три этапа собственного исследования, проведённого с использованием инструментария, на который опирались и мы, в 1985, 1990–1991 и 1995 гг. Он пишет, что подавляющее большинство (80–90%) учащихся выпускных классов, опрошенных *на всех этапах* исследования, заявили, что стремятся окончить институт или университет; кроме того, *различные города в этом плане сегодня практически не отличаются* [13, с. 11]. Этот вывод подтверждается и другими авторами, проводившими сравнительные исследования образовательных пла-

нов (это не притязания, но очень близкий к ним феномен) в разных регионах Российской Федерации и СССР [21].

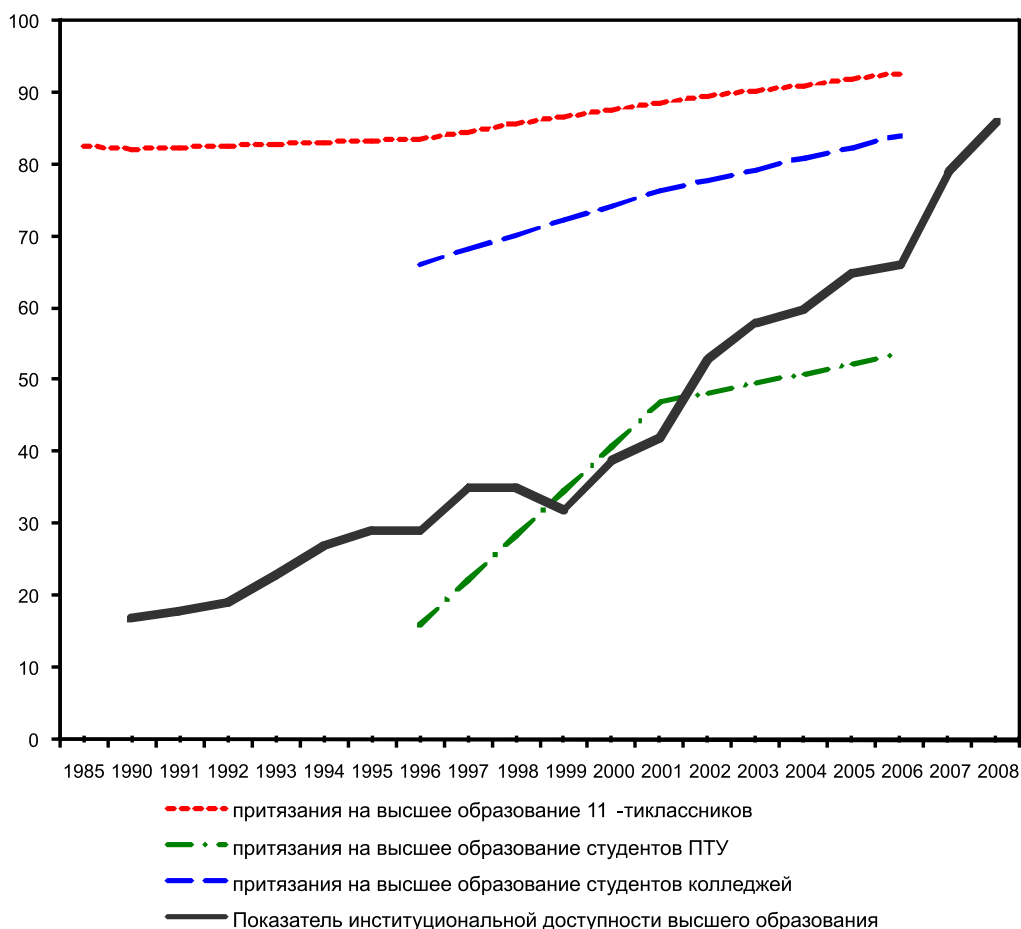
Иными словами, данные, характеризующие краснодарских школьников в 1996 г., корректно соотносить с данными, полученными в советский период в других регионах. Высокие притязания этой группы молодёжи «повели» за собой высшую школу, выступили тем рубежом, на который она стала ориентироваться и к которому стала неуклонно приближаться весь постсоветский период (см. рисунок): разрыв между притязаниями и показателем ИДВО сокращается с условных 65% в 1990 г. до 54,6% в 1996 г., 26,6% в 2006 г., а с учётом 2008 г. — до 6,6%.

Похожая картина наблюдается и в отношении учащихся колледжей: разрыв между показателем ИДВО и их образовательными притязаниями сокращается с 37,1% в 1996 г. до 17,9% в 2006 г., а в 2008 г. показатель ИДВО начинает даже превосходить их притязания на 2,1%. По-видимому, данная категория молодёжи, влияя на расширение региональной системы высшего образования, выступает всё же силой второго эшелона — вслед за выпускниками общеобразовательных школ. Будущее покажет, станет ли она силой первого эшелона или нет.

Притязания выпускников общеобразовательных школ и колледжей были чутко уловлены предприимчивыми менеджерами высшей школы, которые увидели в их удовлетворении возможность не только экономического выживания вузов в новых социальных условиях, но и увеличения личных доходов. В отсутствие стратегии развития высшей школы и соответствующих стратегических ограничителей это было естественным и закономерным явлением.

У учащихся ПТУ рассматриваемое взаимодействие характеризуется иной динамикой. Их образовательные притязания изначально были ниже показателя ИДВО, поэтому сближение с этим показателем в 2001 г. следует объяснять ведущей ролью сферы высшего образования. Она подтягивала к себе притязания, выступая социальным эталоном для данной группы молодёжи. После 2001 г. показатели притязаний и ИДВО стали расходиться, вторые росли значительно быстрее, подтверждая тем самым свою независимость от первых. Всё это свидетельствует об особом статусе группы учащихся ПТУ в системе регионального образования. С одной стороны, на её притязания не могли повлиять общие социальные процессы и процессы в сфере высшего образования, с другой стороны, у этой группы уже после 9-го класса формируется такая карьерная линия, которая затрудняет получение высшего образования. О причинах мы уже упоминали: проблемы с успеваемостью в школе, выход из малообеспеченных семей; сюда следует добавить достаточно высокую определённость трудового будущего, в котором объективно нет места высшему образованию.

В целом можно заключить, что динамика психологического и социально-экономического в сфере образования имеет сходную направленность. Более

Притязания разных групп молодёжи на высшее образование и динамика показателя институциональной доступности высшего образования

того, представленные данные демонстрируют *конвергенцию* (сближение) образовательных притязаний учащейся кубанской молодёжи и интегрального показателя региональной системы высшего образования. В рамках этой конвергенции притязания двух групп молодёжи — 11-классников и студентов колледжей выступают *ведущим*, провоцирующим началом. Разумеется, нельзя не учитывать и обратное влияние: расширяющееся предложение образовательных услуг поддерживало и способствовало росту образовательных притязаний, но, скорее всего, такое обратное влияние стало проявляться только во второе десятилетие постсоветского периода (в отношении притязаний учащихся ПТУ оно имело место на протяжении всего постсоветского периода).

Осмысление проблемы взаимодействия психологического и социально-экономического побуждает обратиться к теоретическим наработкам в области притязаний.

К. Левин и его коллеги предлагали довольно сложную целевую структуру уровня притязаний, в которую входят: цель мечты; более реалистичная цель намерения; уровень, которого человек ожидает достигнуть при объективной оценке ситуации; низкий уровень, которого он достигает, если счастье от него отвернется. «Где-то на данной шкале будет расположено то, что можно назвать целью действия, т. е. то, что человек «пытается сделать в данное время»; где-то выше будет находиться идеальная цель» [12, с. 87–88]. Расстояние между идеальной целью и целью действия было названо «внутренним несоответствием».

По замечанию Б. С. Братуся, в большинстве исследований уровня притязаний изучались либо идеальные, либо реальные цели и мало внимания уделялось их соотношению [2]. Это достаточно странная ситуация, поскольку в общепсихологических моделях порождения поведения неоднократно указывалось на важность обратного. Например, Ж. Нюттен, подводя итог своих многолетних исследований мотивации, выделил два аспекта в процессе целеполагания — творческий и реалистический. Переход к эффективному (рациональному) поведению обуславливается взаимодействием фантазий и реальности [32], или, по терминологии К. Левина, особенностями «внутреннего несоответствия».

В рамках проводимого макропсихологического анализа идеальной целью той или иной группы молодёжи является доля ответов о достаточности высшего образования; индикатором же реальной цели (цели действия) может выступать показатель институциональной доступности этого уровня образования. Такой индикатор цели действия выбран потому, что он *post-factum* свидетельствует о результатах оценки молодыми людьми реальной ситуации после окончания школы и принятии ими решения по поводу своего дальнейшего образования.

На протяжении всего постсоветского периода у большей части обследованной учащейся молодёжи мы наблюдаем неуклонное, *ускоряющееся сближение* идеальных образовательных целей и реальных целей, которые могли быть достигнуты в складывавшейся ситуации. Это означает, что дистанция между желаемым положением вещей и осознаваемыми внешними ограничениями всё время уменьшалась. Почему? На наш взгляд, это произошло из-за соединения двух факторов.

Во-первых, имел место отложенный спрос на высшее образование, т. е. соответствующие неудовлетворённые потребности молодёжи, которые сформировались ещё в советское время. Об этом свидетельствуют как уже упоминавшиеся, так и другие литературные источники. В частности, В. Н. Шубкин полагает, что советская школа ориентировалась на подготовку учащихся для вузов

ещё в предвоенный период (1930-е гг.) соответствующие ориентации выпускников школ подкреплялась «демографическим эхом войны» в конце 1950-х — начале 1960-х гг. [22].

Во-вторых, в постсоветский период в рамках так называемого «рывка к свободе» государство отказалось от регулирования рынка труда и, следовательно, образования, а работодатели никак не обозначили себя в образовательной политике. По этой причине механизм социально-профессионального отбора и восхождения оказался в поле воздействия преимущественно одной силы — молодых людей и стоящих за ними домохозяйств с их социальными, финансовыми и прочими ресурсами и амбициями.

Радикальное сближение идеальных и реальных целей, приведшее к поистине революционному преобразованию «внутреннего несоответствия» в образовательных притязаниях, свидетельствует о принципиально ином психологическом статусе современной молодёжи по сравнению с советскими сверстниками. Этот психологический статус обнаруживает себя в специфических феноменах. Один из них — *массовые элитарные профессиональные ориентации, освобождённые от социально-экономических ограничений*.

Термин «элитарные профессиональные ориентации» в середине 1990-х гг. ввёл Н. С. Пряжников. Стремление к элитарности — это «стремление к ощущению (переживанию) значимости собственной жизни как в собственных глазах, так и в глазах окружающих людей»; это стремление человека к лучшему [19, с. 127]. Н. С. Пряжников справедливо отмечает, что существуют различные его проявления и пути реализации (выбор престижных профессий, совершенствование в избранном деле, идентификация с представителями элитной профессиональной группы и др.). Соглашаясь с подходом Н. С. Пряжникова, заметим, что элитарные профессиональные ориентации существовали и в советское время, но они были разнообразнее, а главное, регулировались потребностями экономики. Как только последнее обстоятельство стало сходиться на нет, появился постсоветский вариант элитарности: самореализация как таковая, самореализация без учёта реальных возможностей трудоустройства, самореализация, в которой важна не столько профессиональная, сколько доходно-статусная компонента (потому что доход и статус стали доминирующими критериями социальной оценки) или компонента исключительности, неординарности. Этим можно объяснить фиксируемый на протяжении двух десятилетий стабильно высокий интерес молодёжи к узкому кругу профессий, среди которых присутствуют, с одной стороны, профессии, ассоциируемые с доходом (юрист, экономист, менеджер и т. п.), с другой стороны, редкие или новые для общественного сознания виды деятельности (дизайнер, модельер, архитектор, психолог и др.) [3; 10]³.

³ Здесь мы ссылаемся на результаты обследования кубанской молодёжи, но, если судить по публикуемым данным, аналогичная ситуация сложилась во многих регионах России.

При объяснении постсоветских массовых элитарных ориентаций следует отметить тенденцию превращения высшего образования в «зал ожидания» для определённой части выпускников (терминология У. Бека). Суть данного понятия в следующем: отсутствие надёжных перспектив хорошо оплачиваемой и престижной работы приводит к тому, что профессиональное образование теряет функцию профессиональной подготовки к будущей работе и становится самоценным, т. е. самостоятельной сферой занятости и самореализации молодых людей [1]. Соответственно при выборе целого ряда профессий экономическая целесообразность вообще отсутствует, а пребывание в высшей школе рассматривается как отсрочка встречи с реальностью рынка труда. Одновременно в высшей школе активно распространяются инновационные, экспериментальные методы и формы обучения, которые являются уже формой самореализации преподавателей (чьи трудовые перспективы, к слову сказать, в последнее время также становятся ненадёжными).

С преобразованием структуры образовательных притязаний и массовым распространением элитарных профессиональных ориентаций, освобождённых от социально-экономических ограничений, связано ещё несколько явлений. Перечислим их.

В условиях, когда образовательные притязания получают всё больше шансов для своего воплощения в образовательные траектории, становятся малопригодными традиционные профориентационные технологии, базирующиеся на триаде «хочу — могу — надо». Компонент «хочу» заглушает два других компонента. Вероятно, в этом причина глубокого кризиса системы профориентационной работы в школах. Специалистам трудно апеллировать к способностям молодых людей и реальным потребностям рынка труда, когда под их желания уже конструируются учебные места.

Другое явление: новые по своей внутренней структуре и содержательному наполнению образовательные притязания приводят к замещению ориентации на получение знаний жаждой статуса. Для весьма значительной части студентов важен только диплом, который даёт возможность претендовать в будущем на занятие более высоких должностных позиций или избежать в настоящем неблагоприятных для себя социальных исходов (например, для юношей поступление в вуз было и остается способом избежать армии). Влияют ли данные процессы на дух высшей школы? По-видимому, влияют. Изменения в мотивации учения молодёжи сказываются на организации учебного процесса, отношении к нему как самих молодых людей, так и их родителей и преподавателей, а в более широком плане ведут к декартификации и профессиональному цинизму (т. е. пренебрежению профессиональными этическими нормами) участников рынка труда.

Следствием лёгкой реализуемости притязаний на высшее образование стали изменения в сфере трудовой занятости: доля лиц с высшим образованием

в экономике Краснодарского края выросла с 14,3% в 1992 г. до до 24,6% (25,7% среди работающих по найму) в 2008 г. Это не могло не привести к изменению социальных ожиданий на рынке труда. Всё чаще при приёме на работу желательно или необходимо иметь высшее образование, даже если оно объективно не требуется. В итоге люди стремятся обрести соответствующий квалификационный документ. Здесь имеет место социально-психологический механизм взаимного индуцирования ожиданий социальных групп, с одной стороны, и организаций, с другой стороны.

Заключение

Предложенный подход к макропсихологическому анализу образовательных притязаний молодёжи позволил установить тип взаимодействия (конвергенция) с важными параметрами сферы высшего образования Краснодарского края в постсоветский период.

По результатам исследования мы имеем основания рассматривать идеальные цели образовательных притязаний как ту психологическую характеристику молодёжи (речь идёт только о выпускниках средней школы и колледжей), которая оказывала прямое стимулирующее влияние на расширение регионального высшего образования в постсоветский период. Иными словами, на довольно длительном интервале времени мы фиксируем влияние психологического на социально-экономическое в конкретной области.

Вероятно, внутренние структуры образовательных притязаний современной и советской молодёжи очень сильно отличаются: после начала реформ произошло радикальное сближение идеальных и реальных целей, т.е. почти исчезло «внутреннее несоответствие» в притязаниях. Это способствовало массовому распространению элитарных профессиональных ориентаций, освобождённых от социально-экономических ограничений, кризису института профессиональной ориентации школьников, изменению мотивации учения в высшей школе, изменению социальных ожиданий на рынке труда. Гипотетически новая структура образовательных притязаний должна быть связана с формированием нового типа работника, новых форм и механизмов реализации карьеры.

А. А. Журавлёв и А. В. Юревич видят значение макропсихологии в её высокой социальной релевантности, т.е. в способности участвовать не только в «малых», но и в «больших делах», таких, как оценка общего состояния общества, выработка программ его развития и т.п. [11, с. 6].

Итоги исследования приводят к выводу о том, что специфическая модель «экономики спроса», которая доминировала в отечественном высшем образовании, по-видимому, себя исчерпала. Молодёжь и стоящие за нею домохозяйства не могут быть ведущими субъектами образовательной политики. Вряд ли на эту роль могут претендовать и менеджеры того сегмента высшей школы, которые

в 1990 и 2000-е гг. активно удовлетворяли элитарные профессиональные ориентации молодёжи, сформировали для этого соответствующие структуры и естественным образом заинтересованы в их сохранении. Очевидно, что роль государства и бизнеса в регулировании процессов учебной занятости должна быть более весомой. С психологической точки зрения их функция — поддерживать оптимальное «внутреннее несоответствие» в образовательных притязаниях молодёжи. Если говорить о государстве, то оно уже пытается осуществлять данную функцию (сокращение числа вузов, перераспределение бюджетных квот между специальностями, внедрение системы ЕГЭ — тому пример) и её дальнейшее усиление неизбежно. Важно, чтобы принимаемые решения были социально адекватными и эффективными (например, не вели к массовой безработице среди преподавателей и т.д.), при этом задачи психологической науки — предлагать обоснованные оптимумы «внутреннего несоответствия», давать психологическую оценку возможных последствий принимаемых решений.

В целом значение проведённого исследования мы видим в создании методических, эмпирических, теоретических заделов для дальнейшего макропсихологического анализа образовательных притязаний и других карьерных ориентаций кубанской молодёжи, а также в возможности макропсихологической экспертизы социально-экономической политики на региональном и — при наличии данных — общероссийском уровнях.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
3. Выбор профессии: профессиональные и социальные ориентации выпускников общеобразовательных школ: информационный бюллетень/авт.-сост. А. Н. Дёмин. Краснодар: Краснодарский городской центр занятости населения, 1996.
4. Выпускники профтехучилищ и колледжей, работающая молодёжь Краснодара: профессиональные и социальные ориентации: информационный бюллетень/авт.-сост. А. Н. Дёмин. Краснодар: Краснодарский городской центр занятости населения, 1996.
5. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодёжи. Киев: Наукова думка, 1988.
6. Головаха Е. И., Магун В. С. Теоретические и методические проблемы исследования // Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодёжи/под ред. В. Л. Оссовского. Киев: Наукова думка, 1987.
7. Дёмин А. Н. Адаптация молодёжи к социальным изменениям // Социальные изменения в России и молодёжь/науч. ред. В. Магун. М.: Московский общественный научный фонд, 1997.
8. Дёмин А. Н. Историческое время и психологические характеристики человека. Возможно ли их соединение в исследованиях современности? // Личность как субъект организации времени своей жизни. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.

9. *Дёмин А. Н.* Справочник по психологии труда и психологии занятости. Краснодар: Просвещение-Юг, 2010.
10. *Дёмин А. Н., Журавлёва Е. А.* Профессиональные планы и притязания учащихся общеобразовательных школ Краснодарского края на примере шести муниципальных образований: аналитическая записка. Краснодар: ГУП «Карьера», 2008.
11. *Журавлёв А. Л., Юревич А. В.* Введение // Макропсихология современного российского общества/под ред. А. Л. Журавлёва, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
12. *Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс П.* Уровень притязаний // Психология личности: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1982.
13. *Магун В. С.* Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодёжи: 1985–1995 годы // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодёжи: 1985–1995 годы. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
14. *Магун В. С., Литвинцева А. З.* Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. М.: Институт социологии РАН, 1993.
15. Макропсихология современного российского общества/под ред. А. Л. Журавлёва, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
16. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
17. Проблемы экономической психологии/отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Т. 1.
18. Проблемы экономической психологии/отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Т. 2.
19. *Пряжников Н. С.* Психологический смысл труда. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997.
20. *Рожков А. Ю., Дёмин А. Н., Самаркина И. В.* Социальные проблемы кубанской молодёжи в условиях изменяющегося общества 1920-х и 1990-х годов. Краснодар: ИЭиУКГМА, 2004.
21. *Руткевич М. Н., Потапов В. П.* После школы: Социально-профессиональные ориентации молодёжи. М.: Мин-во труда РФ, 1995.
22. *Шубкин В. Н.* Начало пути (проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы). М.: Молодая гвардия, 1979.
23. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис: пер. с англ./общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996.
24. *Юревич А. В.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Макропсихология современного российского общества/под ред. А. Л. Журавлёва, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
25. *Brenner M. H.* Mental Illness and the Economy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973.
26. *Burchell B.* Towards a social psychology of the labour market: or why we need to understand the labour market before we can understand unemployment? // Journal of Occupational & Organizational psychology. 1992. Vol. 65, №4.
27. *Catalano R., Lind S. L., Rosenblatt A. B., Attkisson C. C.* Unemployment and foster home placements: estimating the net effect of provocation and inhibition // American Journal of Public Health. 1999. Vol. 89, №6.

28. *Darity W. Jr., Goldsmith A. H.* Social psychology, unemployment and macroeconomics // Journal of Economic Perspectives. 1996. Vol. 10, № 1.
29. *Dooley D., Catalano R.* Unemployment and alcohol disorder in 1910 and 1990: Drift versus social causation // Journal of Occupational & Organizational Psychology. 1992. Vol. 65, № 1.
30. *Goldsmith A. H., Veum J. R.* Unemployment, joblessness, psychological well-being and self-esteem: theory and evidence // Journal of Socio-Economics. 1997. Vol. 26, № 2.
31. *Elmslie B., Sedo S.* Discrimination, social psychology, and hysteresis in labor market // Journal of Economic Psychology. 1996. Vol. 17, № 4.
32. *Nuttin J.* Motivation, planning, and action. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Ass., 1984.